

Мия Хейфиц

Лёля

Мия Хейфиц Лёля

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68969526
SelfPub; 2023*

Аннотация

Каждое новое утро Лёли Воробьевой напоминало предыдущее: кофе для мужа, проводы любимого на работу, свободное время до вечера. Каждое, но не это. Беззаботную жизнь разрушает анонимное сообщение с компрометирующими фотографиями на мужа. Лёля в растерянности. Она никогда не была в такой ситуации и совершенно не понимает, что ей делать дальше.

Мия Хейфиц

Лёля

Тусклые краски вечера. Теплый желтый свет. Терраса ресторана переполнена людьми. Скорее всего, это праздник или важное событие. Женщины в красивых коктейльных платьях, улыбаются друг другу. Рядом раскрасневшиеся от спиртного мужчины, без галстуков и с расстегнутыми верхними пуговками сорочек,жимают руки. За их спинами вездесущие официанты в белоснежных рубашках неподвижно ждут пригласительного жеста, чтобы наполнить опустевшие бокалы гостей.

В пестром многолюдье выделяется одна пара: это мужчина и женщина, стоящие напротив сцены с музыкантами. Он обнял свою избранницу за талию, а она ласково прикоснулась к его по плечу. Лица женщины не видно, а вот мужчину можно рассмотреть: высокий, статный, смотрит куда-то вдаль, как будто хочет убедиться, что за ними никто не наблюдает.

На следующей фотографии снова они. Женщина, слегка запрокинув голову, широко улыбается, а мужчина, склонился к ее уху, и, кажется, что-то шепчет, опустив свою руку с талии, на бедро.

Третий снимок очень плохого качества. В полумраке стоит эта же пара, но уже в каком-то укромном уголке. Несмотря

ря на размытость фотографии, на ней легко различимы и объятия, и страстный поцелуй.

Лёля могла бы позавидовать этим влюблённым – ведь такие чувства, такие эмоции она не испытывала уже давно – если бы не одно «но»: мужчина на снимке был ее мужем.

– Вот гад! – процедила Лёля сквозь зубы. Сердце забúхало в груди, а в виски резко ударила кровь. Лёля не видела себя со стороны, но чувствовала, что лицо становится багровым. Резко отбросив одеяло, она вскочила с кровати и, сжимая мобильник с фотографиями в руке, уверенной походкой направилась в ванную.

Лёля шла к мужу. Она надвигалась на него, как тореадор на быка, размахивая перед собой шпагой-телефоном, чтобы пронзить изменника неопровержимыми уликами. Босые ноги так громко стучали по полу, что звук разносился по всей квартире. Из ванной послышалось шевеление, зашумела вода и раздался низкий мужской голос: «Детка, я уже выхожу! Вари кофе!».

«Дет-ка!» – скривив лицо, Лёля брезгливо передразнила мужа и замерла в нерешительности. Ей хотелось разбить эту проклятую дверь, запустить в изменника телефоном, кричать, топтать, но она молчала. Казалось бы, что тут сложного – дерни дверь на себя и ворвись в ванную, требуя объяснений, но все слова куда-то разбежались из головы, возмущенный крик застрял в глубине горла. Лёля струсила. Устроить сейчас скандал – значило разрушить семью, быт, образ жизни,

к которому она так привыкла... Нет, даже в эмоциональном порыве, такого она себе позволить не могла. Слишком много сил было вложено в этого мужчину. Решив все тщательно обдумать, пока муж, очень кстати, будет в командировке, Лёля пошла на кухню.

Привычным движением она открыла створку шкафа, достала банку с зёрнами кофе и высыпала немного в кофемолку. «Я тебе покажу детку!» – прошептала Лёля и потянулась к самой верхней полке, где была коробочка с лекарствами. Перебрав содержимое аптечки, она нашла заветную пластинку с круглыми таблетками слабительного и выдавила несколько штук в ладонь. Отложив секретный ингредиент на стол, Лёля перемолола зёрна, насыпала в турку ароматный порошок, налила воды, добавила соль и сахар, все перемешала и поставила на огонь. Пока на плите закипал напиток и запах свежемолотого кофе наполнял кухню, рядом происходило другое таинство: Лёля готовила свою месть.

Она раздавила между ложками таблетки слабительного и высыпала белый порошок в любимую кружку мужа. Кофе уже закипал. Лёля подхватила турку, подождала, пока содержимое чуть остынет, и снова поставила ее на плиту. Привычный утренний ритуал теперь не доставлял никакого удовольствия. Единственная мысль, которая ее волновала, – будет ли чувствоваться лекарство.

Сняв с огня вновь закипевший кофе, она аккуратно налила его в кружку. Помешивая «орудие» мести, Лёля услышала

ла, как открылась дверь ванной, как муж прошел в спальню, как крикнул ей, что уже опаздывает и выпьет кофе перед самым выходом из дома, потом что-то еще, но она уже не слушала. Просто стояла молча, размешивала кофе, и ложечка, печально ударяясь о стенки кружки, отсчитывала секунды ее уходящей безмятежной жизни.

В кухню вбежал опаздывающий в аэропорт муж, чмокнул Лёлю в макушку, взял из ее рук кофе и смачно отхлебнул уже остывающий напиток.

– М-м-м, как вкусно, – прозвучало довольное одобрение. – Ты что-то новое добавила? Такой необычный вкус.

– Щепотку любви, дорогой. Счастливого пути!

Лёля дождалась, когда муж вернет пустую кружку, поставила ее в мойку и, вручив в прихожей еще вчера собранную дорожную сумку, проводила супруга до двери.

Дверь захлопнулась. В квартире осталось двое: обманутая жена и горькая правда, которую она предпочла бы не знать. Один на один. Друг напротив друга.

Лёля прошла в гостиную и села на диван. Медленно, рассматривая каждую деталь, обвела взглядом комнату. Вот французский чайный столик с заботливо расставленными на нем семейными фотографиями. Они с мужем с таким трудом перевезли его через границу. Лёля что-то неправильно заполнила в документах и работники таможни ни в какую не хотели разрешать вывозить историческую ценность из стра-

ны. Тогда она впервые в жизни дала взятку.

А эти часы! Антикварная громадина, которую Лёля почти год выпрашивала у мужа, а потом боялась признаться, что начала их ненавидеть из-за громкого хода. Она усмехнулась. Сколько Сашиних шуток было отпущено в ее сторону из-за этих проклятых часов.

Воспоминания прервал звонок телефона.

– Алло.

– Крошка, приветик! Я тут застряла на СТО. Сказали, что полдня я без машины. Так и знала, что сегодня у меня день – говно! Хотя, оно и понятно – коридор затмений как-никак...

Беззаботное щебетание принадлежало Даше, подруге Лёли. Веселая и бесшабашная, влюбленная в себя и во всех мужчин этого мира женщина, которая легко сходилась с людьми и всех, даже просто знакомых, сразу же записывала к себе в друзья.

С Лёлей их свела судьба достаточно давно. Они познакомились на работе, куда пришли в качестве новых сотрудниц. За два года Даша так и осталась менеджером по продажам, а Лёля выросла до жены босса. Несмотря на такие перемены, приятельские отношения между женщинами сохранились.

Сразу после свадьбы Саша решил, что его супруга должна сидеть дома, как и все жены его друзей, и Лёля ушла с работы. Она старалась обзавестись новыми подругами, но за много лет, круг общения мужа так ее и не принял. Вроде бы и относились нормально, приглашали на семейные ужины и

праздники, но дружбы завязать ни с кем не получилось. Лёля не сильно страдала от этого и заполняла свое свободное время общением с Дашей. Она не всегда поддерживала тягу подруги к приключениям и мужчинам, но с удовольствием слушала рассказы о них; терпела Дашину любовь к астрологии и мистике и старалась не раздражаться, получив в сообщении очередной гороскоп или расклад натальных карт. Лёля посмеивалась над попытками Даши все в жизни объяснить совместимостью знаков зодиака. Посмеивалась, но терпела. А Даша терпела привычку Лёли колоть подругу ехидными замечаниями, тешить за счет нее свое самолюбие, отпускать в ее сторону жестокие шутки. Она как будто ничего этого не замечала. На все реагировала с усмешкой и никогда не отвечала Лёле грубостью.

Вот и сейчас Даша тараторила из трубки о чем-то своем, не обращая ни на что внимания.

– Даш, давай я приеду? – перебила подругу Лёля. – Где ты?

***

Через сорок минут на станции технического обслуживания автомобилей появился малиновый фольксваген. Лёля быстро приехала. Она знала это место и сама не раз отвозила туда свою машину. Припарковавшись, Лёля пошла в кафе при автосервисе. Подойдя ко входу, она посмотрела сквозь стеклянную дверь и сразу заметила Дашу. Маленькая, круг-

лая, как толстый воробей, она сидела на самом краю огромного белого дивана и тыкала длиннющим ногтем в тарелку с пирожным. Над ней склонился официант и понимающе кивал, реагируя на ее чириканье.

Лёля натянула улыбку и толкнула дверь. Расстегивая на ходу плащ, она прошла мимо стройных рядов диванов и кресел, напрямик к подруге. Всего лишь несколько мгновений, какая-то пара десятков шагов, чтобы принять окончательное решение – говорить Даше о случившемся или оставить все в тайне.

– Выглядишь ужасно! Что-то случилось? – вместо «Привет!» произнесла Даша. Она посмотрела на официанта, снисходительно махнула ладонью, отменяя до этого сказанные слова, и с любопытством уставилась на подругу.

Молодой парень в униформе, обслуживающий их столик, облегченно вздохнул, перевел взгляд на Лёлю и вопросительно улыбнулся. Она улыбнулась в ответ и заказала большую чашку капучино. Как только официант удалился Лёля решила, что смолчать не сможет, глубоко вдохнула и, разделяя слова, произнесла:

– Саша завел себе любовницу.

Повисла пауза. Лёля произнесла фразу, которую рассчитывала никогда не сказать в отношении себя.

– Это конец, понимаешь? Это конец! Я останусь одна: без денег, без квартиры, старая и никому ненужная! Всё, можно попрощаться с машиной, с магазинами, с квартирой в цен-

тре... Боже, как так?! Ну за что мне это? – Лёля говорила и говорила, останавливаясь только для того, чтобы сделать вдох, – А Саша! Как ему не стыдно? Ходить от меня к ней, от нее ко мне? И в глаза, сволочь такая, смотрел и целовал, и «любимая-дорогая», фу, гадость какая!

Лёля скривилась от омерзения, представляя, как руки мужа обнимают любовницу, гладят по волосам, как он страстно целует... Ее даже передернуло.

– Лёля-я-я! Подожди! – к ошарашенной подруге наконец-то вернулся дар речи, – Саша уходит? Он хочет развод? Ты можешь нормально объяснить, что случилось?

Лёля показала жестом «Подожди!», похлопала по карман плаща, который она небрежно бросила на диван, потом потянулась к рюкзаку и достала из него телефон. Она открыла нужное приложение и протянула мобильник подруге.

– На, смотри! Это сегодня утром прислали.

Даша изучила фотографии, увеличила некоторые кадры, разглядывая незнакомку в объятиях мужа подруги, и произнесла: «А кто это прислал?».

– Боже мой, Даша, какая разница? – начинала раздражаться Лёля. – Я не знаю, какая-то равнодушная тварь. Ты фотографии видишь? Ну все же понятно – они любовники!

Дальше Лёля в подробностях рассказала, как хотела устроить скандал, но остановилась, о том, что ее уже давно мучали подозрения, но она гнала их прочь, о командировке мужа и о том, что, скорее всего, эта «лярва» полетела вме-

сте с ним. Рассказ был долгим, но Даши даже не пыталась остановиться подругу. Всегда сдержанная и даже скрытная, Лёля говорила и говорила, сдабривая свой рассказ страшными проклятиями, посылаемыми то в сторону мужа, то в сторону его любовницы.

Отпив уже остывший кофе, который она только сейчас заметила на столе, Лёля наконец замолчала. Добавить было больше нечего. Те эмоции, которые еще мгновение назад были через край, совершенно опустошили её. Тишину нарушила Даша:

– Мда-а, ситуация... – протянула подруга. – А вот знаешь, Лёлик, ты всегда смеялась над моей нумерологией, не читала гороскопы, которые я тебе присылала, и кто в итоге оказался прав? А? Досмеялась?

Лёля ничего не ответила. Кивнула машинально, даже не понимая с чем именно соглашается, и продолжила молчать.

– А я говорила и причем не один раз, что у тебя проблемы с энергиями Луны и Венеры. Ну вспомни! Так что, это ты виновата. Надо было слушать. Я бы тебе просчитала, как выровнять баланс! А сейчас еще Нептун в четвертом доме, и это значит, что мужик обязательно не выдержит и взбрыкнет...

– Даша, не сейчас! – прервала Лёля подругу. – Я прошу тебя, только не сейчас! Мне не нужна эта чушь. Я хочу нормальный человеческий совет. Что мне делать? У меня такой хаос в голове, я так растеряна, я как возле пропасти, пони-

маешь? Мне шаг вперед сделать или уйти в сторону?

– А что я могу сказать? Уходи? Вы потом помиритесь, а я крайняя? Нет, спасибо. Сука, конечно, и та баба, и Саша тоже кабель. Но тут без сто грамм не разберешься... Тут нельзя на эмоциях. Ты, как скорпион, такое стерпеть не можешь, но держись. Правильно сделала, что смолчала. Тут надо взвешенное решение принимать. А знаешь, сходи к моей гадалке! – неожиданно предложила Даша. – Хуже не будет. К ней даже бизнесмены перед сделками ходят, а у тебя вопрос важнее!

Она взяла телефон, быстро нашла в списке контактов нужный номер и сбросила его Лёле в сообщении. Немного поразмыслив, Даша сообщила подруге, что если сама позвонит гадалке, то так будет надежнее и вышла в уборную. Через какое-то время она вернулась. Широко улыбаясь и тыча пальцем в трубку телефона, Даша победно сообщила:

– Всё, крошка! Собирайся! У неё есть время сегодня, через два часа.

Лёля выпучила глаза. Она была удивлена Дашиной расторопности. Подруга за покупками обычно целый день собирается, а тут несколько минут и пожалуйста – «через два часа».

– Ну что ты на меня так смотришь? – Даша взяла в руки Лёлин плащ и распахнула его для подруги. – Дуй в Запольское. Как будешь подъезжать, позвони ей. Номер я тебе сбросила и адрес сейчас отправлю. И мне набери потом!

Не давая произнести ни слова, она помогла подруге одеть-

ся, проводила её до машины и много раз извинилась, что не может поехать вместе с ней. Чмокнув Лёлю в щёку, Даша убежала, сославшись на звонок автомобильного мастера.

Лёля села в машину, посмотрела на переданный контакт в мессенджере, усмехнулась подписи «Ведунья Сусанна» и повернула ключ зажигания: «Ну что ж, ведунья так ведунья».

***

Лёля приехала по указанному адресу немного раньше назначенного времени.

Дом Дашиной гадалки находился в элитном загородном поселке, с охраной и пропускной системой. Лёля догадывалась, что чародейство приносит хорошие деньги, но что доход будет позволять жить в таком районе, даже подумать не могла.

Дом, на который навигатор показывал, как на конечную точку маршрута, мало походил на место работы гадалки. Нет хибары с черепами животных, нет сохнувших пучков трав, даже черной кошки на заборе тоже нет. Большой, светло-серый дом в два этажа, ровно подстриженный газон вокруг и причудливые фигуры туй во дворе, выкрашенный в белый цвет забор, с висящем на калитке почтовым ящиком – совершенно ничего из этого не указывало на связь владельцев с потусторонними силами.

Лёля заглянула в телефон, чтобы убедиться, туда ли она попала. Адрес из сообщения Даши и адрес на почтовом ящи-

ке совпадали.

«Отлично! Я на месте».

Телефон пискнул в руке. Пришло сообщение от мужа. «Долетел нормально. Что-то не то съел в аэропорту и весь полет бегал в туалет. Стюардесса дала таблетку. Вроде помогло. Сейчас уже на работе. Если освобожусь не поздно, позвоню. Целую. ♥»

– Идеальное преступление! – ехидно улыбнулась Лёля и отправила в ответ сердечко.

Неожиданно в боковое окно постучала женщина. Лёля опустила стекло.

– Ты Лёля? – сразу последовал вопрос.

Лёля кивнула.

– Пошли! – приказала незнакомка низким, сиплым голосом.

Худошавая женщина, укутанная в белую махровую шаль, развернулась и направилась в сторону дома. Лёля, закрыв машину, почти бегом последовала за ней.

За входной дверью находилась небольшая комнатка, которая напоминала раздевалку или большой шкаф. Всё пространство в ней было заполнено вещами, обувью, висящей на стене одеждой и разбросанными детскими игрушками. Прямо у дверей в следующую комнату стояла огромная, почти до потолка, кованая вешалка.

– Плащ сюда, – указала на громадину женщина. – Обувь не снимай!

Лёля беспрекословно выполнила приказ и, прижав к себе рюкзак, засемила вслед за незнакомкой.

Они вместе вошли в просторный холл: большой, светлый, с красивой мебелью и большим количеством картин на стенах. На Лёлю со всех сторон смотрели нарисованные люди разных возрастов. Картины были яркими, сочными, казалось, только написанными. Они очень контрастировали с современным интерьером холла, добавляя старины и какого-то цыганского шика. Лёля окинула взглядом комнату, рассчитывая, что провожатая предложит присесть (хотелось выбрать место поудобней). Но незнакомка, все еще кутаясь в шаль, шла без остановок дальше, пока не скрылась за углом. Лёля поспешила за ней.

За углом оказалась столовая с кухней. Женщина указала на единственный выдвинутый стул (остальные были плотно приставлены к столу), а сама взяла пачку сигарет, лежащую на подоконнике. Несколько раз щелкнув зажигалкой, она глубоко затянулась.

– Долго ты ко мне добиралась, – сказала незнакомка, выпуская из себя густой клуб дыма.

– Вы Сусанна? – догадалась Лёля.

– Тебе Сусанна нужна? – женщина пристально посмотрела на Лёлю. Та кивнула в ответ. – Ты к ней попала. Что хочешь?

Лёля смотрела на ведунью и ловила себя на мысли, что таких людей всегда представляла несколько иначе. У жен-

щины напротив не было ничего общего с тем, что показывают по телевизору или в фильмах. Возраст – чуть за пятьдесят. Внешность обычная. Высокая, стройная, черные волосы с проседью убраны в тугий пучок. Лицо не славянское. Сильный акцент и своеобразная манера формулировать предложения еще больше указывали на то, что Сусанна иностранка. Никаких амулетов на шее, длинных черных ногтей, даже хрустального шара нигде не видно, – просто женщина, в просто комнате.

– У моего мужа любовница, – совершенно без эмоций проговорила Лёля.

– Это знаю! – перебила Сусанна. – Не знаю, что хочешь.

– Я хочу знать, что мне делать.

Сусанна ничего не говоря, крепко затянулась, выпустила изо рта дым и потушила в пепельнице недокуренную сигарету. Потом развернулась к плите и стала чем-то заниматься, совершенно не обращая внимания на гостью.

На столешнице, рядом с плитой, Лёля заметила красивый серебряный поднос. Гадалка открывала стоящие на нем баночки и высыпала их содержимое в старинную посудину, напоминающую турку. Вскоре она поставила загадочный предмет на огонь. Помешивая своё варево ложкой с длинной тонкой ручкой, ведунья продолжала молчать. «Кофе варит, – догадалась, по долетевшему до нее аромату, Лёля. – Значит будем гадать на гуще». Сусанна взяла с подноса маленькую фарфоровую чашечку и, что-то пробурчав себе под нос, мед-

ленно перелила в нее кофе. Лёля молча наблюдала за всем происходящим. Поставив турку на плиту, Сусанна повернулась в сторону и отрешенно посмотрела в глубь комнаты. Куда именно, Лёля понять не могла (стена, разделяющая кухню и столовую, скрывала то, на что смотрела гадалка). Ведунья стала бормотать слова на непонятном языке, потом перекрестилась, взяла чашку с кофе и подошла к Лёле.

– Будешь пить, думай о муже! – приказала Сусанна.

Повинуясь, Лёля взяла чашку из ее рук и поставила перед собой. Гадалка подошла к шкафу в углу комнаты. Опустив руку в карман своей кофты-кардигана, которая скрывалась под белой шалью, достала маленький ключ и провернула его несколько раз в замочной скважине дверцы. Открыв шкаф, она немного покопошилась в его недрах и достала небольшой тканевый мешочек. Небрежно прикрыв локтем дверцу, Сусанна с мешочком в руках прошла к Лёле и села за стол. Зажимая трофей между ладонями, она что-то бубнила, склонившись к рукам, как будто разговаривала с этим кусочком ткани. Закончив ритуал, ведунья взглянула на Лёлю и спросила, уверена ли та в своем решении узнать, что ей будет рассказано? Лёля кивнула.

– Снимай сережки и кольцо, – почти прошипела Сусанна. – Давай то, что на левой руке.

Лёля покорно сняла украшения и протянула гадалке.

Через несколько дней, когда в памяти будут всплывать воспоминания об этом событии, она не сможет найти объ-

яснение, почему так безропотно соглашалась на всё. Но это потом, а сейчас она сидела напротив Сусанны, держа в ладони драгоценности, и даже мысли не допускала, что может поступить как-то иначе.

Ведунья взяла сережки с кольцом и положила в мешочек, а из него достала гадальные карты. Большие, старые, с потрепанными краями и потертыми картинками. Она стала выкладывать цветные карточки на стол. Собирая из них геометрический узор, Сусанна читала то ли молитвы, то ли заклинания и покачивалась в такт своего голоса. Внезапно гадалка остановилась. Она протянула руку к лежащим на столе сигаретам, подкурила, и, выпустив дым, не глядя на Лёлю, произнесла:

– У мужа в мыслях женщина, но это не ты. Грязные мысли. Грешные. Он с ней спит.

Лёля почувствовала, как задрожал подбородок, в носу что-то защекотало, а глаза стали наполняться слезами. Чтобы их прогнать, она начала часто моргать и махать руками перед лицом. Нет, новость ее не шокировала, она же всё знала. Просто эти резкие слова, этот низкий голос, эта женщина, они все вместе пробили толстую броню, за которую Лёля, еще утром, тщательно спрятала эмоции. Весь день защита была надежна и крепка, и вот треснула.

– Как он мог? – всхлипывая, побормотала Лёля, – За что мне это? Я же всё для него делала.

Сусанна затянулась, посмотрела на Лёлю и, выпуская дым

почти ей в лицо, с ухмылкой произнесла, растягивая каждое слово и укоризненно покачивая головой:

– Какая ты двуличная.

– Двуличная? – растерялась Лёля. – Почему двуличная?

Вы понимаете, что значит это слово?

– Я понимаю. А ты? – хитро прищурившись, проговорила Сусанна. – Ты, наверное, кое-что забыла? А там, – гадалка глазами показала наверх, – там всё помнят.

Она провела рукой над картами.

– Я всё знаю. Тут всё про тебя есть, – и неожиданно добавила. – Пей кофе!

Лёля отпила снадобье. Кофе оказался чуть теплым и очень крепким. Горечь неприятно сушила во рту, но попросить воды она постеснялась.

– Это твоё наказание! – Сусанна взяла со стола карту и начала тыкать ею, как доказательством своих слов, в сторону Лёли. – Зачем забрала мужчину из семьи? Ты его украли у другой женщины! Сейчас его украдут у тебя. Мужчина, который узнал блуд, больше никогда не остановится. Ты научила! Ты с ним блудила, а потом женила на себе!

Лёля уставилась на стол с картами и молча пила холодный кофе. Она больше не слышала слов, которыми прицельно, как из лука, стреляла в нее Сусанна. Она просто сидела и ужасалась, представляя масштабы ожидающего ее наказания. Нет, Лёля не жалела о давно совершенном проступке (стыда за содеянное она не испытывала ни тогда, ни сей-

час), ей просто становилось страшно. Жутко страшно. Так, что внутри холодело и всё обрывалось. Она понимала, какая огромная и испепеляющая ненависть затаилась в душе у первой жены Саши, ведь такие же чувства испытывала она сама, но уже к своей сопернице. И этой ненавистью можно было убить.

– Ты слышишь меня? – вопрос Сусанны вырвал Лёлю из мыслей. – Давай сюда чашку. С тарелкой давай.

Гадалка стала тихо, почти шепотом, говорить в чашку с остатками кофе непонятные слова, крутить её то в одну, то в другую сторону, распределяя по стенкам посуды гущу, потом накрыла сверху блюдцем и протянула Лёле: «Переверни от себя!» Лёля выполнила.

Несколько минут женщины молча смотрели на стоящую вверх дном чашку. Наконец Сусанна перевернула её в нормальное положение и стала разглядывать кофейное пророчество, недовольно цокая языком и, как будто, делая неутешительные выводы от увиденного.

– Не только ты по гадалкам ходишь, – наконец произнесла ведунья, – разлучница навела порчу. На тебя. Мужа твоего хочет себе.

Она еще немного покрутила чашку, протянула ее Лёле и стала указывать пальцем на кофейное пятно.

– Смотри, смотри! Вот крест! Плохо будет. Совсем плохо. Надо убирать. Сгоришь, если не убрать.

Лёля не выдержала шквала страшных слов и разрыдалась.

Она стала умолять гадалку о помощи, хватала её за руки, говорила, что раскаивается и что на всё согласна. Она сделает что угодно, только бы та убрала с неё это колдовство. Лёля искренне поверила в неминуемую и очень страшную кару, и в то, что только Сусанна может ее предотвратить.

– Уходи! Я всё сделаю. Я уберу порчу. Доставай из кошелька всё, что шелестит. Откупайся от греха.

Лёля трясущимися руками потянулась к рюкзаку. Молнию предательски заело. Сильно рванув замок, Лёля победила упрямый механизм и рюкзак открылся. Она достала кошелек и вытряхнула из его глубин все купюры. На стол, вместе с деньгами, посыпались кредитки, забытые в кошельке чеки из магазинов, обертка от конфеты, монеты... Лёля посмотрела на гадалку.

– Железо убери! – строго сказала Сусанна. – Что шумит – нельзя. Только то, что шелестит.

Желая скорее прекратить этот кошмар, Лёля смахнула со стола копейки с пластиковыми карточками прямо в раскрытый рюкзак. Сусанна взяла деньги вместе с бумажками, валяющимися в них, и убрала всё в мешочек для карт.

– Иди. Я всё сделаю. Никогда никому не рассказывай, что услышала. Если расскажешь, вернешь порчу.

Лёля развернулась и направилась к выходу так быстро, как только смогла. Она буквально пронеслась через огромный холл, сорвала с вешалки плащ в микроскопической прихожей и, выйдя на улицу, уже бегом пустилась к машине.

Пока Лёля, сидя в своем маленьком автомобиле, пыталась успокоиться и уехать, Сусанна смотрела на свою недавнюю гостью через окно. Увидев, что машина тронулась с места, она достала мобильный телефон и набрала номер:

– Даша, я закончила. Можешь приезжать. Деньги твои, сережки и кольцо – мне.

***

Лёля мчалась по поселку, путаясь в переулках, никак не находя выезда. Наконец-то спасительный шлагбаум. Она выехала, из уже ставшего ненавистным места, оставляя за спиной гадалку и ее жуткие пророчества. В голове барабаном стучали слова: «Это ты во всем виновата!».

Лёля смотрела на дорогу, автоматически следила за знаками и ехала в никуда. Прямо, поворот, прямо...

Возвращаться домой совсем не хотелось. В пустой квартире ее ждала нерешенная проблема и вопросы, ответы на которые так и не были получены. Лёле хотелось улизнуть, спрятаться, убежать от этой реальности, чтобы, как обычно, нашелся кто-то сильный и мудрый, кто решит все ее проблемы, кто-то, но не она.

Увидев на указателе знакомое направление с названием родного города, Лёля решила, что это судьба – надо заехать

к маме. Во-первых, она давно у нее не была, а во-вторых, там ничего не напоминает о случившемся. Там легко, там все просто, там мама...

Лёля включила поворотник и свернула в направлении города детства.

Проехав несколько десятков километров, оставив где-то позади деревья, печально склонившие над дорогой свои ветки, она оказалась в знакомом пригороде.

Прямо, поворот, прямо...

На горизонте возникла огромная стена мужчины с огнем в руке, силуэт которого стоял на буквах с названием города. Лёля нажала на газ и великан остался за спиной. Появился вокзал, магазин «Маяк», большие высотки, малюсенькие пятиэтажки, школа, аллея с героями труда у стен завода, опять дома, кинотеатр «Юность» и, наконец-то, нужный поворот во двор. Прямо на углу одного из домов пристроился компактный продуктовый магазин и Лёля поняла, что едет к матери с пустыми руками. «Надо что-то купить», – мелькнуло в голове. Припарковав машину, она прошла к магазину. Скупив все возможные и невозможные гостинцы, Лёля закинула пакеты с продуктами в багажник и поехала, прыгая по ухабам разбитых дорог узких дворики.

– Ну наконец-то! – прошептала Лёля, доехав до белоснежного Дома пионеров (его до сих пор так называют). Сразу за ним, утопая в соснах и тополях, стояла серая пятиэтажка. Припарковав автомобиль и нагрузившись пакетами с про-

дуктами, Лёля отправилась к третьему подъезду. Как обычно, у входа на лавочках, сидела компания разновозрастных женщин, которые еще издали заметили бывшую соседку и сейчас обсуждали, она это или нет.

– Здравствуйте! – широко улыбаясь, громко сказала Лёля.

– Здравствуй! Здравствуй, Лёлочка! – загудело на разные лады собрание у подъезда. – Мамку проведать приехала? Молодец! Правильно, так и должно быть. Мамку забывать нельзя. Какая красавица...

Окончание приветственной речи Лёля уже не слышала. Она глубоко вдохнула, мысленно прокляла проектировщиков хрущевок за отсутствие лифта, нырнула в подъезд и рванула вверх по лестнице. Растеряв к пятому этажу весь свой задор, Лёля громко дыша и еле переставляя ноги, ввалилась в незакрытую квартиру матери.

– Мама-а! Мам! Это я! – прокричала с порога Лёля, опуская на пол пакеты с продуктами.

На кухне что-то шкварчало и на весь дом пахло жареным луком. Послышалась возня, а следом приближающиеся шаги со шлепаньем стелек о пятки. Через мгновение в дверном проеме показалась невысокая, грузная женщина, с покрасневшими щеками и растерянным взглядом. От неожиданности она замерла и прижала к груди полотенце с деревянной лопаткой, с которыми бежала прямо от плиты в коридор.

– Лёля, доченька! – женщина раскрыла руки для объятий. – Да брось ты эту обувку! Дай поцелую мою красавицу!

Лёля, возившаяся со шнурками кроссовок, освободила от обуви измученные сегодняшним днем ноги, и бросилась в объятия матери. Та обнимала дочь вытянутыми вперед руками, чтобы не вымазать кухонным полотенцем и жирной лопаткой, и целовала своего ребенка всюду, куда могла дотянуться. Внезапно мама вскрикнула, вспомнив о плите, и побежала на кухню.

– Дочушка, ты ж проходи! Давай-давай, сама! У меня ж горит! – доносилось из дальней комнаты.

Лёлина мама, Любовь Семеновна, была хоть и возрастной дамой с обширным списком болезней, но дожив до своих лет, оставалась активной и бодрой.

Она рано вышла замуж и вместе с мужем переехала из глухой деревни в районный городок, где и прожила всю свою жизнь. Когда-то работала кладовщицей на местном заводе, потом, по состоянию здоровья, была вынуждена уйти в вахтеры, потом в сторожи. Не выдержав ночные дежурства, Любовь Семеновна решила покончить с зарабатыванием денег и ограничиться пенсией.

Двое ее детей давно выросли и, выпорхнув из родительского гнезда, обустроивали свою жизнь в столице. Помогать им было больше не нужно и Любовь Семеновна зажила для себя.

Она считала, что все у нее сложилось удачно: дети устроены, звонят почти каждый день; муж жив-здоров, пусть он и не первый, но рядом; есть жилье, огород, небольшой садик с

яблонями и розовыми кустами – что еще нужно для счастья?

Летом она варила компоты и катала салаты, осенью настаивала фирменную наливку, а зимой кормила и поила своими деликатесами, приезжавших в гости детей. Только вот внуков не было. У всех подруг были, а у нее – нет.

Каждую ночь Любовь Семеновна молилась небу, чтобы у сына и дочери появились дети. Но небо пока ничего не отвечало.

Она считала себя простой женщиной «Институтов ваших не кончала», но знающей ответы на все вопросы. Не случилось с ней такой задачи, которой бы она не смогла решить. Вот и сейчас, когда дочь без предупреждения нагрянула к матери, она сразу смекнула, что что-то произошло.

Быстро закончив свои поварские дела у плиты и накрыв стол незамысловатыми угощениями, Любовь Семеновна кормила нежданную гостью, пытаясь разговорить ее с помощью прошлогодней наливки.

– Мам, понимаешь, – всхлипывала захмелевшая Лёля, – у него же другая! Дру-га-я! Как с ним жить, зная, что он к ней ходит, покупает ей что-то, да и, в принципе, он с ней спит.

Рассказать матери все детали своего сегодняшнего дня Лёля не посчитала нужным. Ограничилась лишь тем, что узнала о любовнице и что мужу ничего об этом не известно. Любовь Семеновна выслушивала рассуждения дочери и красноречиво молчала. Она переживала за Лёлю, но очень сдержанно. Было заметно, что неверность зятя возмутила

женщину, но не так сильно, как могла бы. Она поойкала, осуждающе покивала головой и продолжила молчать, словно речь шла не об измене мужа ее дочери, а о нашкодившем в углу котенке, с которым никакого сладу нет.

Такая реакция самого близкого человека на свою трагедию казалась Лёле недостаточной и раззадорила еще больше. Ей хотелось добавить драматизма, вызвать в матери бурю эмоций, ткнуть носом в Сашину неблагодарность. Для этого Лёля вспомнила, как, еще любовницей, помогала будущему мужу оформить компанию и большую часть имущества на него; как нашла адвокатов, которые помогли снизить алименты на его детей до возможного минимума.

– Я могла бы и не стараться и та сучка в два счета оставила бы его с голым задом. Кому бы он тогда был нужен?! – вопрошала Лёля, глядя на мать.

Она искренне считала, что деньги, положение, работа мужа – это ее заслуга. Сидя на кухне и перечисляя свои «достижения» в жизни супруга, Лёля в итоге пришла к выводу, что ненавидит его за неблагодарность, а любовницу его ненавидит еще больше, но ее просто за факт существования.

– Он ведь даже кольцо не снимает, когда с ней зажимается! – сказала Лёля, протягивая матери телефон с компроматом на мужа. – Значит не скрывает, что женат, а ей плевать на это! Ее, шлюху эту, совсем штамп в паспорте любовника не смущает?!

Разнервничавшись, Лёля перешла почти на крик, но по-

няв, что добавить ей уже больше нечего, сникла. Решив поставить таким образом смысловую точку в своей тираде, она взяла со стола хрустальную стопочку с налитой наливкой и опрокинула ее в себя всю до дна. Поежившись от крепости напитка, Лёля глубоко выдохнула и вернула пустую рюмку на стол. Неприятный вкус сладкой горечи стоял во рту. Она протянула руку к мясной нарезке на тарелке, схватила ломтик колбасы и, отправляя его себе в рот, задумчиво произнесла:

– А ты знаешь, что я подумала? Я, наверное, это все заслужила.

Мать оторвала глаза от телефона с фотографиями и недоумевающе уставилась на дочь.

– Мне все вернулось. Мам, это мое наказание, понимаешь? За то, что увела мужа из семьи. У нас в начале просто шуры-муры были, ничего серьезного, а потом я знала, на что иду. Ты даже не представляешь, как я замужества добивалась. Самой от себя страшно становится. И противно. Это так ужасно... И я ужасная... Вот за это мне и наказание...

Любовь Семеновна взяла свою стопку с наливкой, к которой за весь вечер не притронулась, и выпила ее до дна. Закусывать не стала. Не привыкла.

– Знаешь, дочечка, – начала говорить Любовь Семеновна. – Ты Бога-то не гневи! Наказание! Какое такое наказание? За что? Ну развелся мужик, к тебе ушел. Ну полюбились, полюбовничали, чего уж отрицать. Так что ж, убивать

теперь за это? А бывшая его – дура, если такого мужика упустила. И ты дурой будешь, если скандалить начнешь: пока мужика за руку не словила, с бабы чужой не сняла – ослепни и оглохни!

Теперь уже Лёля молчала в недоумении. Таких наставлений от матери она никогда не получала.

– Он на развод не подавал, ночами дома, к тебе не цепляется, ничем не попрекает. Значит не серьезно там все, – подытожила мать. – Так, загулял, да и все. Забудь!

Любовь Семеновна посмотрела на часы и пробубнила себе под нос:

– Ты подумай, почти двенадцать! Как засиделись!

Она смахнула со скатерти соринку и сразу же разгладила кончиком пальца образовавшуюся складочку, потом вздохнула и поднялась с места – надо прибираться со стола. Хватая тарелки с угощениями и пустую грязную посуду, она проворно маневрировала от стола к мойке, от мойки к столу, от стола к холодильнику. Что-то выбрасывала, что-то складывала в литровые банки и между делом продолжала свои нравоучения:

– Ты, Лёлочка, не выдумывай про наказания всякие, про судьбу. Глупости это все! Будешь обо всех думать, сама ни с чем останешься. А о тебе кто подумает? А? Жизнь нам дается одна и со всеми возможностями. Главное их заметить, и не прощелкать! Я сколько? – мать многозначительно растопырила перед лицом дочери три пальца, – Целых три раза

вдова и ничего! После папашки твоего, царствие небесное гаду такому, с вами малыми на руках осталась. Он долгов наделал и в петлю, а мне куда? В Гнилку нашу с обрыва кидаться?

Любовь Семеновна успела убрать стол, разложить остатки еды в холодильнике, перемыть посуду, а заодно рассказать дочери всю свою непростую личную жизнь. Впервые она была так откровенна не только с Лёлей, но и сама с собой. Ей было больно вспоминать тяжелые моменты, но она считала это необходимым.

Рассказала Любовь Семеновна, как после смерти первого мужа, им очень не хватало денег.

– На зарплату кладовщицы сильно не разгуляешься, а тут еще кредиторы папкины пороги оббивают. Опять же, вы совсем малышня сопливая, вам сколько не дай, все мало. Не вытягивала я совсем, стала выносить с завода и продавать. Воровала значит.

Любовь Семеновна говорила, опустив глаза вниз, совсем не глядя на дочь. Казалось, что она ведет диалог сама с собой: объясняет, корит, оправдывает, утвердительно кивает головой или грустно пожимает плечами. Это была исповедь. Но не перед Лёлей. Это была исповедь перед самой собой.

– Очень быстро меня поймали. Мастер смены, Василий Маркович, пожалел и не доложил куда следует. У него самого трое детей было, понимал, как это тяжело и простил меня. Я, не будь дурой, смекнула, что мужик толковый, с понима-

нием, и приласкала разок-другой. Так и сошлись. – Любовь Семеновна вздохнула и добавила уже громче, посмотрев на дочь, – И совестей никаких не испытывала, что троих без отца оставила! Выживать надо было! А если его жена за таким мужиком не присматривала, то это ее грех, пусть она за него и отвечает. Я взяла, что без присмотру лежало.

Лёля хорошо помнила Василия Марковича. Они всего семь лет прожили с мамой, три из которых, он воевал с бывшей женой. Та писала на него анонимки, требовала на заводе вернуть гулящего мужа в семью, просила исключить из партии, а он так нервничал, что, как говорила Любовь Семеновна, к нему рак и прицепился. Несмотря на то что после наконец полученного развода, Василий Маркович свою бывшую никогда больше не видел, вина за его спустя годы случившуюся смерть, все равно была возложена на нее.

Любовь Семеновна перекрестилась, глядя в ночное окно и, немного помолчав, продолжила свои рассуждения:

– Как схоронили Василия Марковича, я уже точно знала, что траур отношу и замуж надо. Тебе только-только тринадцать стукнуло, Вовчику и того меньше, некогда мне было во вдовах сидеть.

Ломать голову, с кем связать свою дальнейшую жизнь, Любовь Семеновна не стала. Она рассказала Лёле, как еще на поминках обратила внимание на соседа, который вместе с женой помогал с похоронами и кладбищем. Степка-сантехник, его все знали! Хороший человек, добряк, простой и тру-

долюбивый. По-соседски помогал с мужской работой овдовевшей женщине – тут прибьет, там подкрутит. И за благодарностью дело не стало. Ходил-ходил Степан к соседке, да и остался.

Лёля не могла забыть, как к ним однажды нагрянула бывшая жена дяди Степы и бросалась на мать с кулаками. В доме стоял такой визг, что испугавшись, они с братом убежали к себе и до следующего дня так и не вышли из комнаты. А взрослые этого даже не заметили: мама разбиралась с милицией, которую вызвали соседи и, «чтобы два раза не вставать», написала заявление на бывшую жену дяди Степы.

Рассказала Любовь Семеновна и про то, сколько пересудов было, сколько проклятий выслушала в свою сторону, но ни на что она не обращала внимания. Люди поговорили и успокоились, а она, тем временем, и разводом занималась с мужем, по судам ходила и имущество помогала делить. Ничего не дала новому мужу подарить бывшей жене, проследила, чтоб разделили ровно пополам. Вот и дачка с огородом появилась, и мебель в доме новая и дети все с игопочки одеты.

– Жаловаться мне было не на что, – говорила Любовь Семеновна, – а от косых взглядов и сплетен, масло не горкнет и хлеб не черствеет, можно пережить. Зато я цвела за Степаном, как майская роза, пока не случился у него сердечный приступ. Был и нет. Похоронила.

Обо всех своих мужьях горевала Любовь Семеновна, даже

о самом непутевом, об отце детей, Григории, но вот убивалась на похоронах больше по Степану. С ним детей выучила, дочку замуж отдала, сына в столице пристроила, узнала жизнь без забот и хлопот. Казалось, впервые искренне любила и до последнего своего дня хотела прожить с ним. Но жизнь распорядилась иначе.

– Вот так вот, дочечка. А если б я про морали ваши думала, об том, что люди скажут, да что подумают, разве сложилась бы у тебя так жизнь? Сидела б тут как Верка, подружка твоя, и ссанные штаны мужу-пьянице стирала, да синяки от людей прятала. Ради вас ведь всё.

Любовь Семеновна смахнула выступившую слезу, шмыгнула носом и продолжила нравоучения.

– А ты тут сидишь, сопли развесила, ой-ой, мужик загулял. Ну загулял! Ну и что! Ты первая что ли? Главное, чтоб не ушел! Терпи и молчи, дочечка. Терпи и молчи. Бабья доля она такая...

Лёля дослушала нехитрую философию матери и отправилась спать.

Лежа в постели, в комнате, которая когда-то была ее детской, раздираемая воспоминаниями и мыслями, Лёля перебирала в голове мимолетные выводы, сделанные в этот, богатый на события, день. Как в детстве, повернувшись к стене, она рисовала пальцем узор на висящем ковре, освещаемом дворовым фонарем из окна. Выводя новую закорючку в цветастом ворсе, она вспоминала ошарашенное лицо своей

подруги, узнавшей о Сашиной любовнице, слышала сиплый голос гадалки с обвинениями и страшными предсказаниями, мамыны рассказы о тяжелой жизни после смерти отца. Так и заснула в гуле этих голосов, пробиваясь сквозь людей, которые рисовала память.

***

Из незашторенного окна, сквозь сомкнутые ресницы спящей Лёли, настойчиво продиралось солнце. Шум возни на кухне, разговоры и работающий телевизор не оставляли даже малейшего шанса подремать еще чуть-чуть. Сладко потянувшись в кровати, Лёля поднялась и присела на край.

Растрепанная и немного опухшая после вчерашней наливки, она бездвижно застыла, глядя в одну точку и перебирая в голове воспоминания о вчерашнем дне.

Где-то рядом зазвонил телефон.

Прощупав глазами комнату, Лёля увидела на столе треникающую коробочку. Она нехотя поковыляла в ее направлении, пытаясь по дороге распрямить затекшее тело.

– Алло!

– Детка, доброе утро! Еще спишь что ли? – пробасил из телефона голос мужа.

– Ага, – нехотя ответила Лёля.

– Пока я тут вкальваю ей на новую шубку, она беззаботно спит, – в привычно шутовском тоне прокомментировал ответ

Саша. – Просыпайся, моя радость!

– Угу.

– Ладно, ты еще сонная. Пытаться поговорить бесполезно. Короче, у меня все норм. Сегодня весь день работаю, вечером банкет с партнерами. Не знаю, позвоню или нет. Завтра, если без форс-мажоров, к трем буду дома.

– Угу.

– Целую. Не скучай.

В динамике послышался звук причмокивания.

– Ага. И я тебя.

По утрам Лёля и раньше предпочитала общаться жестами и мычанием, пока полностью не проснется, но именно это начало дня было другим. Сегодня ее «многословность» была вызвана омерзением. Ей не хотелось ничего говорить этому человеку, а может просто было страшно, что если уж начнет, то не остановится и обязательно выпалит то, о чем пожалеет.

«Завтра Саша будет дома. А я? А что я? Я до сих пор не знаю, что ему сказать. И надо ли что-то говорить? Да, прислали фотографии. Да, я узнала... А о чем я собственно узнала? Что на вечеринке он зажимался с какой-то шалавой. Пьяный был. Конечно же, он был пьян! Напился и потерял контроль. Мужики все одним местом думают, а под коньячок-вискарик вообще соображать перестают».

Лёля почти объяснила себе все случившееся вчерашним утром, но в руках все еще был телефон. Она заглянула в переписку с неизвестным абонентом, надеясь найти подтвер-

ждение своих мыслей, но присмотревшись к лицу мужа, к счастливой улыбке незнакомки, убедилась в совершенно обратном.

– Сука-а-а! – цедила сквозь зубы Лёля прямо в телефон, сжимая его до боли в ладони.

Дверь в комнату тихонечко приоткрылась и в щель заглянула Любовь Семеновна.

– Дочечка, проснулась? Ну давай, иди умываться и к столу. Сергей Сергеич уже пришел с дежурства и ждет тебя, чтобы позавтракать вместе. Давай-давай, поднимайся! – промурлыкала дочери Любовь Семеновна, протягивая приготовленный халат.

Лёля с удовольствием убрала в сторону телефон. Смотреть в него уже не было сил и желания. Она взглянула на мать с теплотой и любовью, с благодарностью за вчерашний разговор. Пусть он ничего не решил, но угрызений совести Лёля больше не испытывала. Она взяла из материнских рук ее немного потерявший цвет, но целый и идеально отглаженный халат, накинула его на себя и вышла из комнаты.

Закончив все утренние ритуалы в ванной, постирав нижнее белье и повесив на батарею, Лёля накинула на голое тело мамин халат и пошла завтракать. На кухне уже был накрыт стол, дымился в чашках разлитый чай, а за столом сидели румяная Любовь Семеновна и улыбчивый Сергей Сергеевич, ее новый сожитель.

– Доброе утро! – проговорила Лёля, усаживаясь на табу-

решку.

– Доброе утро, Лёлочка! – ответил щуплый мужчина, сидящий напротив.

Сергей Сергеевич появился в доме Лёлиной матери совсем недавно. Дети и немногочисленные родственники Любови Семеновны приняли его сразу, но еще не успели привыкнуть, поэтому при встречах обстановка была дружелюбной, но немного натянутой. Все, что Лёля знала о нем, было со слов матери: вдовец, работает сторожем на автомобильной стоянке. Не пьет. Всю зарплату с пенсией отдает. Спокойный, работающий. Дети есть, но живут в столице, с отцом почти не общаются.

Лёля не понимала, как при своей совершенно обыкновенной внешности, Любовь Семеновна никогда не оставалась в одиночестве. Не понимала, но радовалась этому.

После смерти дяди Степы, мать очень сдала. Все время плакала, стала часто болеть. Из женщины, которая всегда приходила на помощь советом или деньгами, она превратилась в обузу, требующую внимания и присутствия рядом. Неожиданно и совсем некстати в Лёлину семью пришло время пресловутого «стакана воды». Каждый день Любовь Семеновна звонила то сыну, то дочке с причитаниями или просьбами. Любое ее недомогание преподносилось как тяжелейший недуг, на который надо было реагировать обязательным присутствием рядом. Отказ или решение проблемы на расстоянии, воспринималось как предательство. Де-

тям приходилось постоянно разрываться между домами. Забрать мать к себе никто не предложил, да она бы и не согласилась. Было тяжело, но справлялись.

Когда появился Сергей Сергеевич, Любовь Семеновна ожила. Появились заботы и хлопоты. Болезни никуда не делись, но переносить их вдвоем стало легче. Мать увлеклась новыми отношениями и перестала донимать детей, а Сергей Сергеевич обрел заботливую и хозяйственную женщину рядом. Все выдохнули.

– Доченька, я вот что подумала, – завела разговор Любовь Семеновна. – Ты же на машине, а Сергей Сергеич только с ночной пришел. Может ты съездишь на рынок? Картошки и капусты надо купить. Мы бы сами как-то, но раз ты тут, чего не съездить?

– Хорошо, но ты же свою всегда ела и картошку, и капусту, – не поняла просьбы Лёля. – Зачем еще покупать?

– Свою! Была бы она своя, так я б, конечно, не тратилась. – сокрушалась Любовь Семеновна. – Не уродилась что-то в этом году. А капусту я и не садила. Ну ее! Рбстишь-рбстишь, а гусеница всю и сожрет. И спасибо не скажет.

– Да, хорошо, сейчас съезжу, – ответила Лёля, чтобы оборвать начавшийся разговор об огороде.

Лёля позавтракала, выслушав местные новости и сплетни, получила ценные указания по картошке и капусте, взяла отсчитанные с точностью до копейки деньги, которые невозможно было не взять, потому что «Ты с ума сошла! Еще свои

деньги тратить мне на картошку будет! Бери и не выдумывай!» и отправилась в свою комнату. Там, постояв в недолгом замешательстве над джинсами и кофточкой, решила надеть их прямо на голое тело. Других вариантов не было: высухнуть постиранное белье еще не успело.

Выйдя из подъезда, накинув на себя плащ, Лёля поежилась от еще не успевшего прогреться утреннего воздуха и пошла к машине.

Дорога до рынка была короткой. Припарковав автомобиль, Лёля остановилась, пытаясь сообразить, куда именно надо идти за овощами.

Стоянку от рынка отделял бесконечный ряд когда-то белых киосков. Теперь серые, расписанные из баллончиков ругательствами и признаниями в любви, они прятали за собой торговые ряды от внешнего мира. Сплошная бело-серая стена прерывалась небольшими зазорами. Сквозь них местные жители попадали на базар. Лёля помнила, что каждая прорешина между киосками вела в определенную часть рынка: выберешь неподходящую, окажешься вместо овощного, в мясном или рыбном ряду, а еще хуже – в вещевом или строительном. Но ребус был разгадан, когда из одного прохода показался здоровяк в грязной робе, вскинувший на спину огромный мешок картошки. Прямо за ним семенила бабуля.

«Понятно, – догадалась Лёля, – значит мне туда».

Пройдя в нужном направлении, она оказалась на овощной части рынка. Прямо на асфальте стояли поддоны с мешками

картошки, свеклой и морковкой. Рядом ящики с помидорами и огурцами. Местами попадались открытые бочки с квашениями и солениями. Они так благоухали, что Лёля остановилась, поддавшись сиюминутному порыву, чтобы купить и сразу съесть один бочковой огурец. Вспомнив, что наличных денег у нее хватит только на капусту и картошку, передумала.

«Как в детстве, – пронеслось в голове, – я на рынке. И денег ровно на покупку. Даже на мороженое, наверное, не хватит».

– Лёля? – раздался за спиной женский голос.

Лёля обернулась. Голос принадлежал улыбающейся женщине с очень знакомым лицом. Бледная, обветренная кожа, тонкий, длинный нос, яркая алая помада, делающая лицо без тонального крема еще более бледным и, подведенные иссиня-черным карандашом, изогнутые брови. Лёля мгновение всматривалась в большие, улыбающиеся глаза, смотрящие на нее в упор и не могла понять, кого они ей напоминают.

– Ну, что молчишь? Не узнала? – съязвила женщина.

– Верка! – наконец догадалась Лёля. – Тьфу на тебя! Что ты как чушка оделась? Мать родная не признает!

Худая, почти прозрачная, Верка была словно вешалка для старого пальто, которое было на нее надето. Оно казалось чужим. Слишком большое и старомодное: когда-то теплое и красивое, но выношенное до состояния тряпки. Верка болталась в пальто сама по себе, а пальто болталось на ней.

Прямо поверх одежды был наброшен розовый передник с большим карманом-кассой, куда складывались бумажные деньги. Он закрывался с помощью пришитой изнутри «липучки». Сомневаясь в надежности этого приспособления, Верка периодически проводила по животу рукой, проверяя, закрыт ли «сейф».

С недоумением и с нескрываемым сожалением Лёля рассматривала подругу.

Они дружили с детства, точнее, со школьной скамьи. С первого по одиннадцатый класс сидели за одной партой. Все детские горести и радости переживали вместе, позже вдвоем бегали на свидания и вдвоем рыдали из-за разбитых сердец.

Верка была обладательницей удивительного сочетания качеств для юной, только сформировавшейся девушки, – красоты и ума. Стройная фигура с рано округлившимися формами, длинные светлые волосы с легкой волной, налитые алым цветом полные губы и большущие оленьи глаза. Такая девушка заставляла обернуться себе вслед даже возрастных мужчин, что уж говорить о ровесниках: они теряли голову просто от звука ее голоса.

В школе у Верки тоже все получалось. Даже самые сложные предметы давались ей с легкостью. Она активно участвовала во всех концертах и торжественных линейках, читала стихи и пела песни, рисовала стенгазеты и вручала цветы ветеранам. Таких обычно очень любят учителя. И ее любили. Грамоты и благодарности, в конце каждого класса, сыпались

на Верку, как из рога изобилия. Она была всегда в центре внимания.

Лёля ничем таким похвастаться не могла. Угловатая, худая, скромно одетая, с неяркими чертами лица и с весьма посредственными способностями к обучению, она терялась на фоне эффектной подруги. Держась около, Лёле с лихвой перепадало Веркиной «славы», но не заслуженно, а за компанию. Просто за то, что была рядом. Скорее всего, девушки никогда не подружились, если бы познакомились в старших классах. Слишком разными они были и внутренне, и внешне. Но они дружили. Может потому, что вместе выросли, может потому, что Верка не находила общего языка с другими одноклассницами и соседками, но она держала Лёлю при себе и всецело ей доверяла. Та была благодарна и верно исполняла роль лучшей подруги.

С учебой Лёле полностью помогала Верка, впрочем, как и с личной жизнью: она брала ее с собой на свидания и в компании взрослых друзей, учила нехитрым азам флирта, рассказывала, как красиво накраситься и одеться, давала советы в любви.

На выпускном Верке пророчили блестящее будущее в столице, а для Лёли был один прогноз – скорое замужество и дети.

Жизнь решила все по-своему: в маленьком районе городке осталась умная и красивая Верка, а обеспеченную жизнь в столице построила серая и неприметная Лёля.

Прошли годы. Из лучших подруг, живущих жизнью друг друга, они превратились в друзей детства: общались в Интернете, поздравляли с праздниками, иногда созванивались, но близости и родства больше не испытывали.

Лёля стояла посреди рынка и смотрела в лицо подруги, которое слишком рано, безжалостно и глубоко, начали резать морщины; на выжженные краской волосы, бело-желтой копной собранные облезлой заколкой на затылке; на большие глаза с серо-синими синяками. Но на, все равно, красивую и жизнерадостную Верку. Она не унывала. Даже в этом дурацком пальто, среди гор мешков с картошкой, на ветру и солнце, она стояла и улыбалась подруге, которую искренне рада была видеть.

– Ты что, сейчас на рынке работаешь? – поинтересовалась Лёля.

– Надеюсь, что только подрабатываю, – хихикнула Верка. – Моего же за пьянку с завода попросили. Вот мы и сели на одну мою зп. А в Доме культуры, ты ж знаешь, много не платят. Я пока сюда попросилась, к Артуру. Его дочка у меня музыкой занимается. Так он согласился, чтоб я только в выходные работала. Мой найдет работу и все, я завязываю с торговлей.

– Понятно... – протянула Лёля, понимая, что временное, это самое постоянное и что, скорее всего, Верка застрянет на рынке еще на очень долгое время.

– А ты тут чего? То не дозовешься ее, а то здрасте, прие-

хала. Хоть бы позвонила! – наигранно обиженным тоном заявила Верка.

– Так получилось. Долгая история. И приехала я только вчера вечером. Мать на рынок отправила, даже выспаться не дала. Картошку ей надо с капустой, видите ли.

– Картошку с капустой мы тебе быстро организуем. Володя-я-я! – крикнула кому-то в сторону Верка. – А ты знаешь, давай вечером сходим куда-нибудь? На ресторан денег у меня нет, а вот на барчик я наторговала. А? Пошли? Вспомним молодость?

– Я даже не знаю... – растерялась Лёля, – Мне надеть нечего. Я же без вещей приехала.

– Не выдумывай! Мне тоже нечего. Мы же в бар идем, дуручка! В нашем «Задрыпанске» везде можно и во всем!

К подругам подошел огромный мужчина, которого Лёля уже видела сегодня. Верка указала ему, какие мешки с картошкой нужно отнести в машину, отобрала капусту, за которой детина должен вернуться, взяла с Лёли деньги и обещание встретиться в шесть в баре «Вячорки».

Время пролетело молниеносно. Поболтав о том о сем с матерью, Лёля сообщила, что пойдет на встречу с Веркой и предупредила, чтобы ее не ждали, может вернуться поздно. Любовь Семеновна не была в восторге от предстоящего развлечения дочери, но перечить не стала – взрослая, дома не закроешь.

Приняв душ и надев, к тому времени высохшее на бата-

рее, нижнее бельё, Лёля отправилась на встречу с подругой детства.

Место, в котором они договорились провести вечер, Лёля хорошо знала. Этот бар существовал еще в ее детстве. Он очень удачно был расположен. Дорога с завода, где работало большинство мужчин города, шла как раз мимо него. Женщины после смены спешили за продуктами в магазин, работавший чуть дальше, а мужчины притормаживали у никогда не пустующих высоких столиков, вынесенных прямо на улицу с самой ранней весны и до поздней осени. Там всегда что-то громко обсуждали: футбол, цены, политику. Часто случались драки.

Сбегая по лестнице и размышляя о том, не рано ли она вышла из дома и какой дорогой лучше идти к бару, Лёля чуть не врезалась в резко распахнувшуюся наружу дверь квартиры на первом этаже.

Лестничный проем был полностью перекрыт. Идти дальше не было никакой возможности. За дверью, закрывающей Лёле дальнейший путь, послышались шаги. Показался зад, обтянутый спортивными штанами. Дальше появилась скрученная мужская фигура в футболке и кроссовках, кряхтя тащившая по полу большой тряпичный тюк. Ноша была тяжелой. Голые руки мужчины вздулись от напряжения красивым рельефом мышц. С пыхтением и вздохами, тюк был полностью вытянут на лестничную площадку, и скрученная фигура распрямилась в соседа Мишу.

– Миша! Ты чуть меня не убил! – возмущенно сказала Лёля, толкая от себя дверь, пытаясь пройти дальше.

Миша взглянул на источник звука и расплылся в широкой улыбке. Из под черных усов показались ровные белоснежные зубы. Он вытер тыльной стороной руки со лба проступившую испарину и, поглаживая небольшую бородку, заискивающе проговорил:

– Ой, простите-извините, дорогая соседка. Какими судьбами оказались на задворках империи – к маменьке погостить?

– Что-то вроде того. А ты чего тут? Больше не сдаешь квартиру? Всё, нагулялся, теперь сам обживаешь гнездышко? – кивнула Лёля на тряпичный тюк с проступающими углами собранных в нем вещей. – Избавляешься от лишнего хлама?

– Нет, хватит, – махнул рукой Миша, – больше не сдаю. Продам. Завтра оформляю документы и прости-прощай, малая родина. Вот, выношу ненужное.

– Ну, Бог в помощь!

Лёля собралась попрощаться и идти на встречу с Веркой, но Миша решил разговор не прекращать. Он вообще был парень настойчивый. Еще в детстве доставал Лёлю своим вниманием: то в песочнице разрушит ее куличик, то разрисует классики, которые старательно и долго выводились детской рукой на асфальте, то напишет под окнами «Лёлька-болыка». Дальше – хуже. Все снежки в школьном дворе достава-

лись Лёлиному затылку, потом появились петарды, и уже они отравляли жизнь соседки, взрываясь в самый неожиданный момент прямо под ногами. В более старшем возрасте, Миша любил незаметно пристроиться в школьной столовой или на линейке в спортзале прямо за Лёлей и больно стрелнуть лифчиком по спине. Ему тоже доставалось, но не так сильно – Миша быстро бегал. Догнать и надавать тумачков у Лёли не получилось ни разу, но исподтишка она мстила ему регулярно. Она подкарауливала надоедливую мальчишку на баклоне и прицельно метала в него пакетами с водой или обстреливала сырыми яйцами.

Потом они выросли и потеряли интерес друг к другу. Лёля уехала в столицу и осталась там. А Миша отслужил в армии и, вернувшись, мыкался по стройкам. Его родители рано умерли, оставив квартиру единственному ребенку. Он сдавал ее в наем, а сам куда-то запропастился. С соседями связи не поддерживал, поэтому все новости о нем доходили в микроскопических объемах и все больше слухами, чем проверенной информацией. Дворовые сплетницы поговаривали, что у Миши свой бизнес в столице, связанный с машинами, и жена. Про детей никто ничего не знал.

– Лёльчик, а не позволите ли вас проводить до мусорного контейнера? – пошутил Миша. – У нас же все дороги ведут не к Риму, а к нему. А потом я в магазин, скоротаю с вискариком последний вечерок в родительском доме, а ты пойдешь... а куда ты идешь вообще, разрешите поинтересо-

ваться?

Лёля взглянула с вызовом на мужчину, стоящего перед ней. Еще недавно она пыталась подкараулить прыщавого доходягу в подъезде, чтобы огреть рюкзаком, а сейчас он большой и взрослый. Стоит перед ней и ухмыляется. Как давно и как недавно это было.

Слегка округлившееся лицо с небольшой бородкой, полные губы, проступающие из под усов, большой нос, почти черные глаза с тяжелыми веками, короткая стрижка с проседью. Такой красивый, не то что в юности: с вечно нестриженной головой, худой и неряшливый.

Теперь кожа лица стала чистой, с небольшими морщинами на лбу и в уголках глаз, с немного грубоватым чертами. Он больше не был нескладным подростком. Крепкий, с рельефными руками и маленьким животиком, мужчина средних лет, широко улыбаясь, смотрел Лёле прямо в глаза. Она чувствовала приятное смущение и что-то еще, но не могла понять что.

– Проводить позволю, – подхватила шуточный тон Лёля. – Поинтересоваться не разрешу. И вообще, меньше текста, поручик! Я из-за вас уже опаздываю.

Миша заскочил в квартиру за спортивной кофтой, в которую тут же нырнул, натянув поверх футболки, закрыл дверь на ключ и с глубоким вздохом потащил к последнему лестничному пролету свою огромную котомку.

Кое как выбравшись из подъезда (тряпичный тюк никак

не хотел пролазить в узкие старые двери), невольные попутчики донесли до мусорного бака ставший ненужным скарб. На этом месте пара могла бы разъединиться и пойти каждый в свою сторону, но бар находился рядом с магазином, а с Мишей было очень приятно общаться. Без долгих колебаний Лёля решила разделить свой путь с соседом, которому случайно было в ту же сторону. Они болтали, обмениваясь в шуточной форме подробностями своей личной жизни и не заметили, как обогнули два детских садика, их общую на двоих школу, небольшой сквер и почти подошли к месту Лёлиного вечернего досуга.

В кармане тихонько всхлипнул телефон.

Хихикая над очередной Мишиной шуткой, Лёля достала мобильник и прочитала сообщение.

«Лёлечка, я не приду. Прости»

И тут же подгрузилось фото. Это был снимок Верки с опухшим, превратившимся в щелочку, глазом. Вздувшийся бугор, розовый, местами переходящий в красно-бордовый, начинался сразу под бровью и спускался далеко вниз, почти к скуле.

Первым порывом было желание позвонить, спросить, что случилось, но Лёля передумала. Решила, что если бы Верка хотела рассказать, то сама бы набрала подругу или написала подробнее. Потом появилось раздражение на невезучую Верку – могла же как-то уйти из дома без мордобоя. Лёля догадывалась, что подбитый глаз, это не несчастный случай,

а «разрешение» на прогулку от мужа. Так уже бывало и не раз. Выслушивать и утешать, пусть и по телефону, сегодня совсем не хотелось, но и сидеть в одиночестве в провинциальном баре смысла не было. Вечер пропал.

– Вот, черт! – прошипела в телефон Лёля. – Верка, коза, ну могла же что-нибудь придумать!

– Что вас так огорчило, сударыня? – незамедлительно последовал вопрос.

– Да Верка Климова, зараза! Сама меня пригласила в бар и в последний момент слилась.

Лёля специально преподнесла информацию именно так: без деталей, с удобной формулировкой. Она любила выставить себя в выигрышном свете на фоне остальных. Наверное, сказалось когда-то слишком сильное влияние Верки и то, что Лёля всегда была в ее тени. Это так вошло в привычку, что она пользовалась этим приемом даже тогда, когда в нем не было нужды.

– Маруся Климова, прости любимого... – Миша с ехидной улыбкой напел строчку из песни. – Не вижу повода не выпить, миледи! Раз вечер свободен, приглашаю вас в мою скромную обитель. В бар не зову, пардоньте-с, не одет.

На этих словах Миша присел в глубоком реверансе, потянув в разные стороны штанины своих трико.

– Поручик, вы сбрендили?

– Да, ладно, Воробьева, взрослая тетка, а ломаешься, как школьница. Не съем я тебя! Пошли!

– Ну хорошо, пошли, – согласилась Лёля, и подумав, добавила, – но в магазин иди без меня. И пока не стемнеет, посидим в парке. Еще не хватало, чтобы соседи видели, что я к тебе домой зашла.

– Базара ноль, миледи. Вам винишка или чего покрепче?

– Красное, сухое.

Совершенно не зная ни финансовых возможностей, ни вкусовых предпочтений Миши, Лёля решила, что мужчина с дорогими часами и хорошей спортивной обувью не может купить дешевое плодово-ягодное вино. Она осталась ждать парня из детства на улице. Привалившись к толстой, шершавой сосне, Лёля стала рассматривать проходящих мимо людей.

Высокий юноша увлеченно болтал по телефону, размахивая руками и доказывая свою правду невидимому собеседнику. Седой мужчина в старомодной кожаной куртке присел на корточки, чтобы смахнуть с ботинок пыль. Женщина в сером плаще, с серой сумкой и в серых сапогах, ссутулившись, медленно проплыла мимо. Почти вплотную к Лёле подошли две девочки с собакой. Их разговор все время прерывает пес, рвущийся с поводка и гавкая абсолютно на всё, что шевельнулось в его поле зрения. Лёля встретила с ним глазами и получила увесистую порцию отборного лая, переходящего в хрип. Одна из девочек цыкнула на питомца и совсем взрослому закатила глаза от проделок хвостатого шалопая, потом что-то сказала подруге, та кивнула и они ушли прочь.

Наконец появился Миша. Он нес в руках нагруженный до верха полиэтиленовый пакет и победно улыбался.

– Я взял нам холодного пива, миледи! И чипсов. Будем сливаться с местной интеллигенцией. В парк без пива никак нельзя. А то еще примут за приезжих, – сказал Миша и заговорщически подмигнул Лёле.

Парк был совсем рядом, через дорогу. Точнее, это был лес, который когда-то проредили, огородили забором, замостили дорожки плиткой и наполнили лавками. Назвали место «Парк дружбы народов». Результат так понравился администрации и вышестоящим инстанциям, что городу выделили дополнительный бюджет на дальнейшее развитие. Появились качели и карусели, фонари и главная аллея. Удалось довести почти до идеала одну половину парка и построить грандиозные планы на вторую. Даже памятник пионерам, на деньги, собранные от сдачи металлолома самими пионерами, торжественно открыли. А потом случилась перестройка и финансирование закончилось.

Парк пытались сохранить местные активисты, но на всю территорию сил не хватало, поэтому присматривали только за обустроенной частью. А необустроенную, без фонарей, но с замощенными дорожками и многочисленными лавочками на них, облюбовала молодежь и любители выпить горячительного на свежем воздухе. Именно туда направились с пивом и другими покупками Миша и Лёля.

Уйдя глубоко в парк, они присели на лавку. Миша достал

из пакета две баночки пива. Одну поставил возле себя, вторую, открыв, протянул Лёле. Она сделала глоток и блаженно застонала.

– Как давно я не получала такого удовольствия от пива.

– К вашим услугам, миледи, – поспешил среагировать Миша.

Они просидели в парке несколько часов, которых даже не заметили. Миша травил байки, сыпал шутками, а Лёля без конца улыбалась.

Он рассказал, что женат во второй раз. Что у него есть сын и через три месяца должна родиться дочка. Действительно занимается машинами – гоняет их из Европы и Америки, чинит и потом продает – на жизнь хватает. Недавно переехал с семьей в новую квартиру. Забавно, но теперь они с Лёлей живут почти рядом. Посмеялись. Будут дружить семьями. Договорились обязательно всем вместе поужинать в каком-нибудь уютном ресторане.

Пока на лавке не стихая звучал разговор, солнце медленно сползло за горизонт. Небо покраснело, потом начало темнеть и окончательно потухло. Включились редкие звезды. Где-то за облаком потерялась луна.

– Какой прекрасный вечер! Миша! Ну какой же прекрасный вечер! – щебетала слегка охмелевшая от крепкого пива Лёля. – Он будет еще прекрасней, если мы уже пойдем к тебе. Я замерзла и хочу в туалет.

Не прошло и получаса, как двое когда-то заклятых врагов,

шептались и хихикали под дверями Мишиной квартиры.

Ключ никак не хотел попадать в замочную скважину. Лёля пританцовывала от уже невыносимых позывов в туалет, а Мишу это очень веселило, и он от смеха не мог попасть в замок. Наконец дверь поддалась и молодые люди оказались внутри квартиры. Лёля рванула прямо в уборную, а Миша прошел в комнату.

Включив свет и оглядевшись, он достал из кучи тряпья, сваленного в углу, что-то похожее на покрывало или простынь. Подойдя с трофеем к окну и растянув его во всю ширину рамы, Миша стал крепить на пустые крючки карниза импровизированную штору. В комнату вошла Лёля и застала его за этим занятием.

– Какой у тебя тут будуар! – съязвила соседка, осматривая почти пустое пространство.

Из мебели посреди комнаты стоял только миниатюрный сервант со стеклянными створками и стул, со сложенной на нем одеждой. На полу лежал надувной матрас с пледом и малюсенькой дорожной подушкой.

– А мне нравится! – подал голос Миша. – По-моему, очень романтично.

– Я так понимаю, застолье будет на полу?

– Можно и на стуле. Вон, в углу стоит. Убери шмотки куда-нибудь и накрывай на стол. А я сейчас вино открою.

Насвистывая мелодию циркового марша, Миша, покопавшись в пакете с продуктами, торжественно извлек из него

две бутылки вина, виски, пластиковые стаканчики и штопор.
– Просим прощения, миледи, хрусталья не держим.
– Переживу.

***

Лёля дернулась во сне и открыла глаза. За окном уже было светло.

– Черт! Черт! Черт! – подскочив с надувного матраса, бормотала ошалевшая Лёля, увидев себя полностью голой.

Она посмотрела в сторону Миши и аккуратно приподняла плед, заглянув под него.

Да бли-и-ин! – застонала Лёля, – Ну как так-то?!

Она металась по комнате, подбирая разбросанную одежду, пытаясь вспомнить, что вчера произошло. Чтобы не терять времени, каждую найденную вещь, она сразу натягивала на себя и собрав свой гардероб полностью, посмотрела вокруг. Убедившись, что ничего не забыла, направилась к двери. Перед уходом Лёля обернулась и помахала спящему Мише рукой.

Выбежав из квартиры, Лёля стремглав пустилась вверх по лестнице. Так быстро она не бегала со времен школы. Достав кармана ключ, она попыталась беззвучно вставить его в замочную скважину и повернуть. Дверь оказалась не заперта. «Всё. Проснулись».

Леля нажала на ручку и толкнула дверь, перебирая в го-

лове бредовые варианты объяснений, где провела ночь.

Переступив порог квартиры, она услышала из глубины громкий мамин вздох: «Явилась!». Через мгновение перед ней уже стояла Любовь Семёновна в ночной сорочке и с бигуди на голове. Она смотрела на дочь с неммым вопросом на лице.

– Мам, я у Верки была. Мы так заболтались, что не заметили, как утро пришло, – виновато бормотала Лёля, опустив глаза и делая вид, что копошится со шнурками.

– Вот курицы! – буркнула Любовь Семеновна, потом потянула воздух ноздрями, – Напились что ли? Как ты за руль сядешь? От тебя ж несет за километр!

– Ой, ладно! Я сейчас посплю немного, почищу зубы и нормально, – уже проходя в свою комнату, буркнула Лёля.

Зайдя в спальню, она стащила с себя джинсы и кофту, бросив их скомканными прямо на пол. Потом уселась на кровать и завела в телефоне будильник на полдень.

– Все, можно поспать, – пробормотала Лёля, залезая под одеяло. Как только ее голова коснулась подушки, она мгновенно заснула.

После пробуждения Лёля ни о чем не могла думать, кроме как о скорейшем возвращении домой. Голова гудела и постоянно хотелось пить. Тянувшая ломота во всем теле ужасно раздражала – сейчас бы лежать и не вставать, но надо было ехать домой.

Быстро собравшись и попрощавшись с матерью, Лёля спустилась вниз, пулей пролетев возле двери на первом этаже. Старая не глядеть в Мишины окна, она прошла по двору и села в машину. На телефоне светилось два уведомления: неп прочитанное сообщение от мужа и извещение в соцсети «На ваш аккаунт подписались». Она догадалась кто это, но не открыла приложение. Написала мужу «Очень жду. Безумно соскучилась» и, положив телефон в подстаканник, завела машину.

Зайдя домой Лёля облегченно вздохнула: «Успела».

Она любила свою квартиру и всегда очень спокойно и легко там себя чувствовала. Даже одиночество дома было в радость. Вдохнув знакомый запах, она пошла на кухню — очень хотелось пить.

«Проклятое похмелье!».

Лёля потянулась к ручке шкафа, чтобы взять стакан, но глаза наткнулись на пустую чашку мужа с засохшими остатками кофе на дне, сиротливо стоящую в раковине. Она взяла ее в руки, повертела, потом безразлично поставила назад в мойку и ушла в ванную.

Лёля приняла душ, высушила волосы и прошла в спальню. Открыв створки шкафа, она достала из полки давно припасенное на «особый случай» сексуальное белье. «Вот и пригодилось», — подумала Лёля, оценивая в зеркале получившийся результат.

«Чего-то не хватает. Ах, да, сережки!».

Она открыла шкатулку на туалетном столике и достала из нее первые попавшиеся украшения.

Зазвонил телефон.

Лёля ответила:

– Да!

– Я мчусь к тебе на крыльях любви, – звучал из динамика знакомый шуточный тон. – Через пятнадцать-двадцать минут буду!

– Я очень тебя жду, любимый! – прошептала мужу Лёля.

Саши услышал довольный голос жены и удовлетворенно выдохнул. Он возвращался домой к одной женщине из объятий другой. Измученный ласками страстной, но уже изрядно надоевшей любовницы, загулявший муж принял решение прервать наскучившие отношения. Новая пассия стала капризной и требовательной, чем ужасно раздражала. А дома ждала привычная и понятная жена. Менять одну на другую Саша не собирался, но иметь двоих сразу, большие уже не мог. Устал.

– Поторопилась девочка, рано подумала, что что-то для меня значит, – сказал Саша, показывая водителю бриллиантовые серьги в телефоне. – Как думаешь, нормально для прощального подарка?

Как только телефонный разговор окончился, Лёля пошла

на кухню. Предварительно засунув кружку мужа в полиэтиленовый пакет, она размахнулась изо всех сил и разбила ее о столешницу. Разорвав «упаковку», Лёля тщательно вытряхнула осколки в урну. Туда же отправились остатки пакета.

Лёля взглянула на часы: «Еще есть десять минут».

Она вернулась в спальню и взяла с прикроватной тумбочки телефон. Присев на кровать, Лёля открыла переписку с компроматом на мужа и удалила все фотографии. Неравнодушный человек, приславший снимки, отправился в черный список.

Быстро водя пальцами по экрану телефона, Лёля открыла соцсеть, которая еще утром сообщила о новом подписчике. Убедилась, что угадала Мистера Икс, и подписалась в ответ. Высветилось сообщение: «Вы и Михаил Цулаев теперь друзья».

«Давай завтра утром выпьем вместе кофе?».

Лёля перечитала текст и нажала кнопку «Отправить личное сообщение».

Послышался звук повернутого ключа в замочной скважине. Входная дверь открылась.

КОНЕЦ